755/726

233726

Членъ Государственной Думы
Кн. Д. Н. Святополкъ-Мирскій.

КЪ НАСТОЯЩЕМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ МОМЕНТУ.

I

Что должна намъ дать война?

II

Польскій вопросъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Электропечатня К. А. Четверикова. Караванная 7.
1914.

Цѣна 20 коп.

55726

Членъ Государственной Думы
Кн. Д. Н. Святополкъ-Мирскій.

КЪ НАСТОЯЩЕМУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ МОМЕНТУ.

I

Что должна намъ дать война?

II

Польскій вопросъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Электропечатня К. А. Четверикова. Караванная 7.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр
Что должна намъ дать война?	5
Польскій вопросъ („Вопросъ, котораго не разрѣшите вы...“) . . .	18

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 2997 1976 г.

Настоящая статья была написана мною въ апрѣлѣ 1909 г., а напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 18 октября 1909 г. подъ заглавіемъ „Caveant Consules“. Появленіе ея вызвало цѣлую бурю негодованія въ заграничной нѣмецкой печати. Вслѣдствіе этого, а также въ связи съ недовольствомъ германскихъ правящихъ круговъ, наше правительство сочло тогда умѣстнымъ выступить черезъ посредство „С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агенства“ съ заявленіемъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, что „статья эта, не встрѣтившая никакого сочувствія въ остальной русской печати, самымъ энергичнымъ образомъ порицается, какъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, такъ и вообще въ правительственныхъ кругахъ“. Каковы бы ни были въ ту пору взгляды нашего правительства на вопросы, которыхъ я касался въ своей статьѣ, поступить иначе, ввиду возбужденія, вызваннаго статьей въ Германіи, наше правительство едвали могло, такъ какъ въ то время мы еще совсѣмъ не были готовы къ вооруженному столкновенію съ Германіей и Австріей. Въ настоящее время, какъ мнѣ кажется, ввиду переживаемыхъ нами событій, высказанные мною пять лѣтъ тому назадъ взгляды и пожеланія, несомнѣнно, покажутся многимъ не только не фантастичными, а наоборотъ, вполнѣ осуществимыми. А потому печатаю вновь свою статью безо всякихъ измѣненій лишь подъ инымъ заглавіемъ. Мною выпущены изъ статьи только тѣ нѣсколько строкъ,

въ которыхъ говорилось о вѣроятномъ къ намъ отношеніи Англіи въ случаѣ нашего вооруженнаго столкновенія съ Германіей и Австріей. Выраженные въ этихъ строкахъ пессимистическіе мысли и взгляды-событія, по счастью, не оправдали, а потому въ настоящее время они являются устарѣвшими.

Кн. Д. Святополкъ-Мирскій.

---

10 августа 1914 г.

Что должна намъ дать война?

Со времени нашихъ послѣднихъ военныхъ неудачъ и внутреннихъ нестроеній я не былъ въ Германіи. Впечатлѣніе, на этотъ разъ на меня произведенное всѣмъ укладомъ нѣмецкой жизни, еще сильнѣе, чѣмъ въ прошлыя мои посѣщенія,—впечатлѣніе замѣчательной трудоспособности, спокойной увѣренности въ себѣ и своихъ силахъ, вѣры въ свою будущность, уравновѣшенности нравственной и умственной, дисциплинированности и порядка. Нѣкоторыя стороны нѣмецкой жизни положительно восхитительны. Такъ, напримѣръ, благовоспитанность и почтительность къ старшимъ подростающаго поколѣнія положительно трогаютъ непривычнаго къ этимъ „проявленіямъ культурности“ иностранца. Особенно поразили онѣ меня въ такихъ, казалось бы, „передовыхъ“ центрахъ городской жизни, какъ Берлинъ и Дрезденъ,—тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ нужно имѣть въ виду дѣтей всѣхъ общественныхъ классовъ и положеній безъ различія, не исключая и низшихъ. Высокій нравственный уровень подростающаго поколѣнія въ Германіи—лучшій показатель истинной культурности взрослыхъ.

И, тѣмъ не менѣе, для русскаго въ настоящую переходную пору нашей исторіи поѣздка по Германіи—источникъ отнюдь не пріятныхъ, а скорѣе тягостныхъ и мучительныхъ ощущеній. Невольно на каждомъ шагу сопоставляешь и сравниваешь все видѣнное съ нашей распущенностью, растерянностью, отсутствіемъ вѣры въ свою будущность. Вдобавокъ, въ связи съ испытанными нами неудачами и униженіями, престижъ нашъ въ Западной Европѣ за послѣднее время сильно палъ. Смѣшно, конечно, было бы утверждать, что мы и прежде когда-либо могли импонировать Западной Европѣ своей „культурностью“. Но раньше мы, можетъ быть, сами того не сознавая, невольно внушали „культурной“, но „маленькой“ и разъединенной За-

падной Европѣ безотчетный страхъ предъ своей колоссальной мощью, основанной на нашей численности, соединенной съ необыкновенной внутренней сплоченностью и беззавѣтной преданностью своей вѣрѣ и своему Государю нашей, хоть и малокультурной, но самоотверженной и безстрашной народной массы.

И вотъ, вѣра въ насъ поколебалась на Западѣ,—и не то обидно что подвергнута переоцѣнкѣ наша экономическая и военная мощь, дѣйствительно испытавшая неслыханныя потрясенія, но нынѣ какъ бы очутились подъ сомнѣніемъ, и наши нравственныя, духовныя силы и національная устойчивость.

Конечно, для насъ все это—далеко не секретъ. Чѣмъ, какъ не невѣроятнымъ общимъ нашимъ ослабленіемъ, объяснить теперешнюю къ намъ дружбу исконнаго нашего врага—Англіи? Наши неудачи, въ общемъ столь желанныя для Англіи, въ конечномъ результатѣ превзошли смѣлыя ея надежды и ожиданія. Чрезмѣрное ослабленіе Россіи черезчуръ усилило политическое значеніе Германіи, въ лицѣ которой для Англіи создался новый источникъ тревоги и безпокойства. Весьма естественно, что Англія, какъ въ свое время съумѣла воспользоваться для своихъ цѣлей услугами Японіи, такъ и теперь не прочь бы при удобномъ случаѣ выдвинуть насъ противъ не дающей ей мирно спать Германіи.

Подобный благопріятный случай можетъ тѣмъ легче представиться, что Германія въ настоящее время, дѣйствительно, представляетъ явную угрозу и опасность не только для Англіи, но вообще для всѣхъ своихъ сосѣдей, съ которыми у нея еще остались какіе-нибудь старые, не сведенные счеты. Атмосфера глухого недовольства и политической неудовлетворенности уже давно ощущается въ Германіи. Германія за послѣднія 38 лѣтъ изъ всѣхъ европейскихъ странъ далѣе всѣхъ шагнула въ области матеріальнаго прогресса и внутренняго благоустройства и, однако же въ сферѣ внѣшней политики ей за это время совсѣмъ не удалось пожать плодовъ своей, по истинѣ, изумительной военной подготовленности и технической оборудованности. Замыслы нѣмцевъ широкіе, но на пути къ ихъ осуществленію стоятъ весьми серьезныя преграды.

За послѣднее время много пишутъ и говорятъ, что естественный врагъ Германіи—Англія. Мысль о неизбѣж-

номъ соперничествѣ и неминуемо предстоящей борьбѣ между англичанами и нѣмцами за послѣднее время все болѣе крѣпнетъ въ сознаніи обоихъ народовъ. Я не буду здѣсь доказывать, что на мой взглядъ эта предвзятая мысль ошибочна, прежде всего потому, что основана на неправильной оцѣнкѣ нѣмцами своихъ способностей и призванія. Нѣмцы (какъ это, между прочимъ, весьма убѣдительно доказалъ Camille Demolins въ своемъ сочиненіи: „A quoi tient la supériorité des Anglo-Saxons") едва-ли способны замѣнить на болѣе или менѣе продолжительное время англичанъ въ области торговой эксплоатаціи заморскихъ странъ. Ихъ теперешніе успѣхи въ области промышленности и международной торговли, какъ весьма убѣдительно доказываетъ Demolins, временны, непрочны и, главнымъ образомъ, основаны на нѣкоторыхъ причинахъ чисто случайнаго, преходящаго характера. Такимъ образомъ, строго говоря, и замышляемая нѣмцами борьба съ англичанами изъ—за господства на морѣ по существу своему безцѣльна.

Несравненно болѣе блестящее будущее ждетъ Германію въ той сферѣ дѣятельности, которую нѣмцы, очевидно, тоже не упускаютъ изъ виду, въ такъ называемомъ Drang nach Osten и (прибавимъ отъ себя, разумѣя сербовъ и прочихъ южныхъ славянъ) также nach *Süden*: въ области постепеннаго себѣ подчиненія и послѣдующей германизаціи того, что нѣмцы презрительно называютъ Dünger Völker т. е. славянства. На этомъ послѣднемъ пути единственной серьезной преградой германскому натиску можетъ явиться сильная, способная къ сопротивленію, Россія. Такимъ образомъ,—какъ видно, въ настоящее время—у Германіи два противника: естественный—Россія и, на мой взглядъ, воображаемый и, во всякомъ случаѣ, искусственно раздутый—Англія.

Тѣмъ не менѣе, весьма возможно, что столкновеніе у Германіи сперва произойдетъ не съ нами, а именно съ Англіей. Но намъ при этомъ невозможно будетъ оставаться въ роли безучастныхъ и равнодушныхъ зрителей, такъ какъ, въ случаѣ пораженія Англіи, Германія, прежде всего, попытается присоединить къ себѣ Голландію, а это неминуемо повело бы къ такому усиленію нѣмечества, вслѣдъ за которымъ и намъ не сдобровать,—тѣмъ болѣе что достаточно взглянуть на очертанія Восточной Пруссіи, тяну-

щейся узкой полосой вдоль нашей Польши, достаточно вспомнить, что значительная часть нашего Царства Польскаго, включая и Варшаву, что губерніи Ковенская и часть Гродненской по 1807 годъ принадлежали Пруссіи, согласно съ раздѣлами Польши 1793 и 1795 годовъ, чтобы понять, что счеты между Россіей, нынѣ значительно ослабленной, и объединенной, до чрезвычайности усилившеюся Германіею—Пруссіей далеко еще не закончены.

Весь почти XIX вѣкъ мы дружили съ Пруссіей, но до франкфуртскаго мира мы неизмѣнно ей были нужны, и она съ лихвой съумѣла использовать наши истинно-славянскія довѣрчивость и добродушіе. Но скоро, несомнѣнно, наступитъ часъ, когда и Пруссія, подобно своей единоплеменницѣ Австріи, съумѣетъ доказать, что въ области политики нѣтъ и не можетъ быть мѣста ни благодарности, ни доброй памяти. Конечно, мы войны и теперь не хотимъ. Что можетъ она намъ дать? Даже въ случаѣ успѣха—лишь неоплатные долги да присоединеніе еще двухъ-трехъ окраинъ, тогда какъ намъ и съ теперешними дѣла достаточно. Мы не хотимъ, да насъ заставятъ! Итакъ, „caveant consules“, и, памятуя то значеніе, которое уже успѣла пріобрѣсти въ нашей государственной жизни Государственная Дума и которое, нужно надѣяться, все будетъ крѣпнуть, скажу „caveant et patres canscripti“!

На мой взглядъ, война у насъ съ нѣмцами неизбѣжна въ недалекомъ будущемъ. Расхвастівшіеся, зазнавшіеся швабы, безвкусно понастроившіе повсюду безчисленныя Siegessäulen и безконечныя Siegesalleen, даютъ намъ на каждомъ шагу чувствовать свое пренебрежительное отношеніе къ нашей ослабленной военной мощи. Поведеніе Германіи во время послѣдней австро-сербской распри, кажется, достаточно ясно показало, чего намъ слѣдуетъ ждать отъ нея въ будущемъ.

Мое мнѣніе, что, коль скоро война неизбѣжна, еще большой вопросъ, явится-ли она для насъ такимъ роковымъ бѣдствіемъ, какъ у насъ принято думать и говорить. Не о единѣмъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ! Мы никогда не были агрессивны, но мы никогда не дорожили своимъ матеріальнымъ благополучіемъ и въ тяжкія годины ниспосланныхъ намъ Промысломъ испытаній умѣли показать что въ насъ таится та духовная мощь, та божественная искра, которая во всѣ времена нашей исторіи, несмотря на

нашу постоянную отсталость въ области матеріальнаго благоустройства и технической организаціи, неизмѣнно создавала и укрѣпляла за нами право на независимое существованіе и гордое сознаніе своего достоинства.

Допустимъ, что достигшая необыкновеннаго техническаго совершенства германская матеріальная культура въ настоящее время дѣйствительно наивысшая. Согласимся даже съ такими, несомнѣнно, выдающимися французскими учеными и мыслителями, какъ Camille Demolins и Gustave Lebon, и скажемъ, что германская раса изъ всѣхъ существующихъ наиболѣе нравственно устойчивая и способная. Неужели же это достаточная причина, чтобы иныя расы должны были отказаться отъ самостоятельнаго бытія, отъ мирнаго преслѣдованія своихъ національныхъ цѣлей и задачъ и покорно склонили свои выи предъ зазнавшимся наступательнымъ германизмомъ? Вспомнимъ, какую участь (если бы не вмѣшательство Россіи) готовилъ Бисмаркъ Франціи въ 1875 году... То же ждетъ и насъ въ недалекомъ будущемъ, если мы будемъ сидѣть сложа руки и заблаговременно не приготовимся къ тому, чтобы быть въ силахъ въ нужный моментъ дать надлежащій отпоръ противнику.

Жизнь какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ прежде всего—борьба. Ничто такъ не возвышаетъ душу, какъ побѣда, ничто ее такъ не деморализуетъ, какъ пораженіе, а еще того больше примиреніе съ мыслью о неизбѣжности пораженія или объ его непоправимости. Германія до сихъ поръ еще живетъ импульсомъ охватившаго ее въ 70-мъ году подъема національнаго чувства. Наоборотъ, Франція, какъ объ этомъ не разъ писали, окончательно покатилась внизъ по наклонной плоскости, лишь послѣ того какъ фактически отказалась отъ идеи реванша.

Каковы были тѣ чувства униженія и разочарованія, которыя пришлось испытать русскимъ людямъ за послѣднія пять лѣтъ, сужу, прежде всего, по себѣ, такъ какъ знаю, что не составляю въ этомъ отношеніи исключенія. Война намъ нужна для освѣженія нашей нравственной атмосферы. Правда, у насъ и внутренняго дѣла достаточно. Одна предстоящая намъ аграрная реформа способна поглотить, скажу не преувеличивая, трудъ нѣсколькихъ человѣческихъ поколѣній. Но теперь мы работаемъ у себя дома съ тяжелымъ угнетеннымъ сердцемъ, съ тяжкимъ созна-

ніемъ содѣланныхъ ошибокъ и упущеній, безъ вѣры въ себя, въ свои силы, безъ твердой вѣры въ возможность „обновленія“. Мы способны увлекаться излюбленной идеей, напримѣръ, народнаго представительства, и тутъ же быстро, вслѣдствіе случайныхъ неудачъ и треній, способны разочароваться въ ней. И все лишь потому, что мы въ значительной степени утратили вѣру въ себя, въ свою жизнеспособность, въ возможность и для насъ свѣтлаго будущаго!

Я отнюдь не проповѣдую войны, а лишь предвижу ея неизбѣжность. А если такъ,—надо къ ней готовиться, готовиться основательно, забывъ на время все остальное,—тѣмъ болѣе что пораженіе при нашемъ переходномъ внутреннемъ положеніи можетъ повести къ ужаснымъ послѣдствіямъ, къ еще большимъ внутреннимъ нестроеніямъ и осложненіямъ. Наоборотъ, побѣда возродитъ насъ къ новой жизни, вдохновитъ насъ, вселитъ въ насъ бодрость духа и дастъ новыя силы, которыя тогда да приложатся съ усердіемъ къ внутреннимъ реформамъ!

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о тѣхъ реальныхъ формахъ, въ которыя, на мой взглядъ, можетъ вылиться неминуемо предстоящее намъ военное столкновеніе съ Германіей, и о тѣхъ практическихъ результатахъ, къ которымъ оно должно привести въ случаѣ нашей побѣды.

... Итакъ, или естественный ходъ событій, или ловкіе ходы англійской дипломатіи въ недалекомъ будущемъ могутъ вовлечь насъ въ войну съ Германіей. Тутъ предстоящая группировка главныхъ европейскихъ державъ будетъ въ высшей степени проста. Съ одной стороны, Германія и форпостъ германизма—Австро-Венгрія, еще недавно въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ столь нахально дѣйствовавшая за спиной своего мощнаго союзника. Съ другой стороны—мы и Франція. На послѣднюю мы можемъ твердо разсчитывать. Для нея ослабленіе Германіи—столь же необходимое условіе мирнаго существованія, какъ и для насъ. Какъ для насъ немыслимо мирно посвятить себя внутреннимъ реформамъ, требующимъ огромныхъ средствъ и вниманія, покуда надъ нами дамокловъ мечъ германскаго нашествія, такъ и Франція, нравственно истомлена вѣчнымъ призракомъ грядущей войны съ Германіей; ея платежныя силы въ высшей степени напряжены, вслѣдствіе все уве

личивающихся требованій милитаризма, единственной причиной роста котораго служитъ все та же съ ногъ до головы вооруженная Германія. Кромѣ того, Франція чрезвычайно заинтересована въ нашей побѣдѣ, такъ какъ ссудила намъ огромные капиталы. Можно сказать, не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Если мы будемъ воевать, деньги придется занять у той же Франціи, и ей невозможно будетъ отказать намъ, а новые займы еще болѣе скрѣпятъ наши взаимные интересы.

Цѣль нашей войны съ Германіей не можетъ быть иной, какъ разъ навсегда или, по крайней мѣрѣ, на очень долгое время покончить съ германской опасностью.

Побѣда надъ Германіей безъ осязательныхъ практическихъ результатовъ ничего, кромѣ неоплатныхъ долговъ, намъ не дастъ. Лишь полное сокрушеніе германской мощи обезопаситъ насъ на многіе годы и дастъ намъ возможность съ пользой для страны употребить тѣ сотни милліоновъ, которые ежегодно ассигнуются на нашу внѣшнюю оборону и вооруженіе.

Нѣтъ хуже двойственности и неопредѣленности положенія. Въ настоящее время мы ничѣмъ толкомъ заняться не можемъ. Для внутреннихъ реформъ (не только для такой колоссальной, какъ аграрная, но и для всѣхъ остальныхъ) прежде всего нужны средства, средства и средства: на постановленіяхъ принципіальнаго характера и детальной разработкѣ ихъ по пунктамъ далеко не уѣдешь, а средствъ нужно тѣмъ больше, что дѣло реформъ у насъ сильно запущено, что съ нимъ изрядно запоздали. Ассигнуя новыя крупныя суммы на внутреннія реформы, мы, при нашемъ вѣчномъ безденежьѣ, неминуемо вынуждены были бы запустить дѣло нашей внѣшней обороны и наоборотъ, если поддерживать современный „вооруженный миръ“ на должной высотѣ, пришлось бы отказаться, по недостатку средствъ, даже отъ самыхъ скромныхъ начинаній въ области усовершенствованія нашего внутренняго строя. Получается какъ бы заколдованный кругъ.Не лучше ли разсѣчь туго затянувшійся Гордіевъ узелъ мечомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже говорилъ, въ великомъ психологическомъ значеніи для насъ побѣдоносной войны невозможно ни минуты сомнѣваться?

Итакъ, война должна быть безпощадна. Надо съумѣть довести ее до конца. Пусть въ началѣ насъ постигнутъ

временныя неудачи. Нельзя не вѣрить въ русскаго солдата, не разъ уже на дѣлѣ доказавшаго, что никакія невзгоды, лишенія и даже пораженія не способны сломить силы его сопротивленія и заставить его пасть духомъ. Лишь бы наши руководящіе классы явились на высотѣ своего призванія, лишь бы они въ критическую минуту вспомнили вдохновенное слово Александра Благословеннаго!

Каковы же должны быть плоды нашей побѣды? Пусть не покажутся читателю послѣдующія мои предположенія чрезчуръ фантастичными. Развѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ европейцу 1859 г., когда Италія распадалась на массу отдѣльныхъ государствъ, а мысль объ объединеніи Германіи представлялась трудно осуществимой мечтой, теперешняя карта Европы не показалась бы плодомъдосужей фантазіи? Несомнѣнно, мы снова—наканунѣ разрѣшенія назрѣвшихъ сложныхъ національныхъ вопросовъ: не иначе, какъ мечемъ. Однако, само собою разумѣется, мои предположенія не могутъ быть иными, какъ приблизительными и въ высшей степени схематичными.

Кардинальный пунктъ предстоящей намъ задачи—это снова раздробленіе Средней Европы на рядъ соперничающихъ другъ съ другомъ независимыхъ нѣмецкихъ государствъ и въ связи съ этимъ высвобожденіе славянства отъ путъ нѣмечества. Дѣло славянскаго единенія за послѣднее время сдѣлало большіе успѣхи. Съ другой стороны событія идутъ съ такой головокружительной быстротой, что невозможно предвидѣть, до какой степени, ко времени предстоящаго намъ вооруженнаго столкновенія съ Германіей, окрѣпнетъ славянская солидарность. Укрѣпленію чувствъ „славянской взаимности“ въ настоящее время, прежде всего, способствуютъ сами нѣмцы своей дѣятельностью. Достаточно упомянуть о прусской политикѣ гнета въ Познани. Съ какой безпощадностью относятся нѣмцы даже къ безобиднѣйшимъ и культурнѣйшимъ славянамъ, я имѣлъ случай подробно узнать, проведя нѣсколько дней въ чешской Прагѣ. Самый больной вопросъ славянства—это увы! польскій, хотя и въ этомъ отношеніи сближеніе между русскими и поляками дѣлаетъ все бо́льшіе успѣхи.

Итакъ, основнымъ пунктомъ нашей программы должно быть уничтоженіе германской имперіи и Австро-Венгріи, какъ государства, въ связи съ низверженіемъ габсбургской династіи и возстановленіемъ прежняго германскаго союза.

Говорятъ о германскомъ единствѣ, но, кромѣ этого единства, существуетъ и германскій партикуляризмъ, соперничество отдѣльныхъ германскихъ народностей, непріязнь нѣмецкихъ католиковъ къ протестантамъ и весьма острое недоброжелательство чрезвычайно популярныхъ мѣстныхъ династій къ Гогенцоллернамъ. Я уже болѣе недѣли въ Мюнхенѣ и на каждомъ шагу поражаюсь, до чего баварцы ненавидятъ все прусское. Тѣ же чувства непріязни къ пруссакамъ существуютъ и въ Ганноверѣ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Германіи. Итакъ, то, что сперва будетъ навязано силой, потомъ станетъ любо: къ нему привыкнутъ и привяжутся,—тѣмъ болѣе, что предстоящія новыя государственныя конфигураціи будутъ соотвѣтствовать естественнымъ условіямъ и привязанностямъ.

Провинція „Восточная Пруссія", а также все, что есть чисто или хотя бы на половину польскаго въ прусскомъ королевствѣ, а именно—провинція Познанская и нѣкоторыя прилегающія къ ней мѣстности, отойдутъ къ Россіи. Сѣвѣрная (бо́льшая) половина королевства саксонскаго, отошедшая по Вѣнскому трактату отъ королевства саксонскаго къ Пруссіи, должна къ королевству саксонскому вернуться. Королевство ганноверское, а равно Куръ-Гессенъ и герцогство нассауское, конфискованныя въ 1866 году Пруссіей въ свою пользу, будутъ возстановлены и попрежнему образуютъ клинъ между восточной и западной частью прусскаго королевства. Шлезвигъ—Гольштейнъ будетъ возвращенъ Даніи, Эльзасъ и Лотарингія—Франціи. Но главный противовѣсъ Пруссіи долженъ быть созданъ изъ новой, вдвое по сравненію съ теперешней увеличенной Баваріи. Къ ней должны отойти населенныя баварцами австрійскія провинціи „Верхняя и Нижняя Австрія", а также всѣ провинціи Австріи, населенныя нѣмцами (тоже баварцами), а именно: провинціи Зальцбургъ, Штирія и Каринтія (двѣ послѣднія приблизительно до рѣки Дравы) и Тироль (приблизительно до Боцена). Въ этихъ условіяхъ новая Баварія по размѣрамъ почти будетъ равняться обрѣзанной по краямъ и разрѣзанной на двѣ части Пруссіи. Вдобавокъ, границы Пруссіи, какъ и въ былое время, станутъ снова крайне неудобны для защиты, а благодаря возстановленію Ганновера, Куръ-Гессена и Нассау, Пруссія снова окажется въ двухъ отдѣльныхъ, другъ отъ друга разобщенныхъ кускахъ.

Изъ Чехіи и Моравіи будетъ образовано королевство

чешское и это—не нелѣпая затѣя, а дѣло весьма легко осуществимое. Чешскій народъ всей своей исторіей и культурой ярко доказалъ свою полную способность и подготовленность къ независимому государственному бытію: его выдержка и трудолюбіе поистинѣ изумительны. Всѣ славяне австро-венгерской монархіи должны быть, какъ я уже сказалъ, высвобождены изъ-подъ нѣмецкаго и венгерскаго гнета. Каковы будутъ предстоящія государственныя новообразованія, трудно предвидѣть въ подробностяхъ. Отдать ли Сербіи только Боснію и Герцеговину или также южныя славянскія области Австріи и Венгріи, или изъ послѣднихъ создать отдѣльное хорватское королевство,—это выяснятъ обстоятельства. Что касается Венгріи, то за выдѣленіемъ изъ нея всѣхъ славянскихъ областей, она представитъ изъ себя двѣ почти равныхъ половины: западную, населенную венграми, и восточную — румынами. Оставить-ли румынъ по прежнему венграмъ, или отдать ихъ Румыніи, создавъ этимъ путемъ весьма значительную по своимъ размѣрамъ Румынію, это, мнѣ кажется, должно зависѣть отъ «линіи поведенія», которой послѣдуетъ королевство румынское во время нашей войны съ Германіей. Что касается Галиціи, Червонной Руси и Буковины, то онѣ, понятно, отойдутъ къ Россіи.

Еще разъ въ заключеніе яснѣе формулирую мысль, которую навѣяло мнѣ сопоставленіе воинственнаго настроенія Германіи съ нашимъ современнымъ внутреннимъ положеніемъ.

Намъ необходимы колоссальныя внутреннія реформы, но денегъ на нихъ нѣтъ. Получить ихъ можно, лишь значительно сокративъ расходы на внѣшнюю оборону страны, но сдѣлать это теперь — значило бы неминуемо стать добычей стерегущихъ насъ сосѣдей. Итакъ, не лучше ли разъ навсегда покончить съ источникомъ навязаннаго намъ все растущаго въ своихъ требованіяхъ милитаризма—Германіей?

Но допустимъ, что, мы всетаки, не хотимъ нарушить наше классическое «миролюбіе», — допустимъ, что мы не хотимъ выйдти изъ того заколдованнаго круга, который парализуетъ всѣ наши силы и не даетъ съ успѣхомъ приложить ихъ ни къ одной точкѣ. Захочетъ-ли считаться съ нашимъ миролюбіемъ нашъ воинственный сосѣдъ, тоже сильно тяготящійся бременемъ имъ же самимъ вызваннаго

къ жизни милитаризма? Не вздумаетъ-ли Германія напасть на насъ въ тотъ моментъ, когда найдетъ это для себя удобнымъ?

Вѣдь, если насъ опять захватятъ врасплохъ, если насъ опять постигнетъ пораженіе, — неминуемо долженъ наступить конецъ нашему великодержавному положенію, а каковы будутъ послѣдствія разгрома для нашей внутренней государственной и соціальной жизни,—и подумать страшно...

Итакъ, всѣ наши силы направимъ на усиленіе нашей военной мощи. Еще разъ повторю: наша побѣда надъ Германіей будетъ имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если она надлежащимъ образомъ будетъ использована.

Итакъ, разумѣя Германію, еще разъ скажу: caveant cousules, caveant et patres conscripti ad Carthaginem delendam!

Кн. Д. Н. Святополкъ-Мирскій.

Мюнхенъ Апрѣль 1909. г.

Настоящая статья была написана много въ мартѣ 1911 г. и предназначалась для печати. Однако попытки мои помѣстить статью тогда же въ какомъ либо повременномъ изданіи не увѣнчались успѣхомъ. Тѣ немногіе, мнѣ знакомые, редакторы газетъ, къ которымъ я тогда обратился, отказались напечатать мою статью, вслѣдствіе черезчуръ, по ихъ мнѣнію, агрессивнаго ея характера какъ въ отношеніи Германіи, такъ и Австріи. Нынѣ польскій вопросъ, котораго я подробно касаюсь въ настоящей статьѣ, повидимому, недалекъ отъ своего благополучнаго, какъ для русскаго, такъ и для польскаго народа, разрѣшенія. Порукой тому служитъ обнародованное перваго августа сего года воззваніе къ полякамъ Августѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго Русскими Арміями. Вопросъ, повидимому, въ основныхъ своихъ чертахъ будетъ разрѣшенъ тѣмъ именно путемъ и въ тѣхъ именно условіяхъ и обстановкѣ, что $3^1/_2$ года тому назадъ были мною предусмотрѣны. Ввиду этого печатаю настоящую статью, хотя и впервые, но безо всякихъ измѣненій, въ томъ именно видѣ, какъ она была написана мною въ 1911-мъ году.

Кн. Д. Святополкъ-Мирскій.

---

10 августа 1914 г.

„Вопросъ, котораго не разрѣшите вы...“

(Польскій вопросъ).

Не трудно догадаться, о какомъ вопросѣ идетъ рѣчь. Разница между нашими днями и тѣмъ отдаленнымъ временемъ (70 лѣтъ тому назадъ), когда Пушкинъ далъ краснорѣчивый отпоръ французамъ, лишь та, что слова Пушкина, тогда обращенныя къ иностранцамъ, теперь съ полнымъ основаніемъ можно бы отнести къ намъ, русскимъ.

А между тѣмъ никогда еще, ни въ одну пору нашей исторіи ликвидація польскаго вопроса не представлялась столь неотложной, столь необходимой, какъ въ настоящій моментъ. Отъ удачнаго разрѣшенія этого вопроса зависитъ культурное развитіе и преуспѣяніе огромнѣйшаго раіона нашего обширнаго отечества, всей западной части Европейской Россіи. Но, что гораздо важнѣе, установленіе нормальныхъ дружественныхъ русско-польскихъ отношеній должно оказать рѣшающее вліяніе на направленіе нашей европейской внѣшней политики: оно должно придать намъ ту рѣшимость, сообщить нашимъ дѣйствіямъ ту опредѣленность, ту сознательность въ преслѣдованіи и достиженіи намѣченной цѣли, которыя явятся надежнымъ залогомъ нашего успѣха въ предстоящемъ намъ вооруженномъ столкновеніи съ западными сосѣдями, Пруссіей и Австріей.

Въ настоящей статьѣ я задался цѣлью съ полной откровенностью высказаться относительно тѣхъ путей, которыми, на мой взглядъ, возможно прійти къ прочному и устойчивому русско-польскому сближенію и соглашенію. Ликвидацію польскаго вопроса, какъ я уже заявилъ, я считаю не только своевременной, но прямо таки неотложной. Но въ то же время характеръ нашей внутренней полити-

ческой жизни, несмотря на всѣ недавно провозглашенныя свободы, попрежнему таковъ, что, собираясь заговорить о вопросѣ, при обсужденіи котораго прійдется коснуться неминуемо намъ предстоящаго вооруженнаго столкновенія съ сосѣдями, невольно испытываешь чувство смущенія и тревоги. Юридически у насъ узаконена самая широкая свобода печати, но фактически многіе ли у насъ и для какихъ цѣлей ею воспользовались? Широко разверзлись уста ремесленниковъ пера и слова и полились по поводу явленій и вопросовъ нашей мѣстной общественной и внутренней государственной жизни, въ особенности въ печати провинціальной, обильные потоки ничѣмъ не сдерживаемой, ничѣмъ болѣе неограничиваемой площадной брани, ругани, клеветы и оскорбленій. Зато, съ другой стороны, въ области обсужденія основъ нашей внѣшней политики, въ силу-ли привычки или по инерціи, все осталось по старому. Вопросы нашей внѣшней политики попрежнему мало интересуютъ читателя, а наша повременная печать попрежнему въ обсужденіи этихъ вопросовъ дальше общихъ мѣстъ или повтореній съ чужого голоса не идетъ. Представители нашего высшаго общественнаго класса, богатаго государственнымъ опытомъ и культурой, какъ было до сихъ поръ, такъ и теперь упорно молчатъ. Удивительно ли послѣ этого, если всякое зрѣлое и осмысленное проявленіе политической мысли, всякое обдуманное и строго взвѣшенное, но несогласное съ текущей программой и офиціальными заявленіями нашего правительства, выступленіе въ печати по вопросамъ нашей внѣшней политики иностранцы принимаютъ (или, что̀ гораздо умнѣе, дѣлаютъ видъ, что принимаютъ) за коварные ходы нашей дипломатіи!

Десятки патріотически настроенныхъ нѣмцевъ въ своихъ газетныхъ статьяхъ о предстоящей войнѣ свободно рѣжутъ Россію на куски и русскому правительству и въ голову не приходитъ обижаться на это, но стоитъ русскому вполнѣ независимому и самостоятельному въ своихъ взглядахъ обывателю откровенно высказать свои мысли о тѣхъ реальныхъ выгодахъ, которыя при благопріятныхъ условіяхъ можетъ намъ принести вооруженное столкновеніе, которое, кстати, не нами задумывается и подготовляется и едва ли нами будетъ вызвано,—какъ наше правительство считаетъ своимъ долгомъ для успокоенія раздосадованныхъ иностранцевъ выступать съ печатнымъ опроверженіемъ и словомъ

осужденія, какъ будто оно въ самомъ дѣлѣ отвѣтственно за все, что̀ можетъ быть высказано частными лицами на столбцахъ нашей повременной печати, нынѣ дѣйствительно болѣе не стѣсненной прежнимъ цензурнымъ гнетомъ; ни юридически, ни фактически!

Будемъ надѣяться, что эти столь унизительные для русскаго національнаго самолюбія пріемы нашего правительства болѣе повторяться не будутъ, тѣмъ болѣе что они не могутъ не отражаться весьма пагубно на вполнѣ искреннихъ, безкорыстныхъ и убѣжденныхъ проявленіяхъ независимой русской политической мысли, заставить которую по прежнему таиться и боязливо прятаться можетъ быть дѣйствительно выгодно и желательно иностранцамъ, но отнюдь не намъ, русскимъ!

Дай Богъ, чтобы такъ было хотя бы въ отношеніи того, отнюдь не преступнаго для русскаго, убѣжденія, которое я и впредь намѣренъ отстаивать всѣми мнѣ доступными способами, — убѣжденія, съ одной стороны, въ неизбѣжности навязываемой намъ Пруссіей и Австріей предстоящей грандіозной борьбы, а съ другой, въ ея, въ случаѣ нашей побѣды, не только полезности, но прямо таки необходимости для оживленія и расцвѣта нашей государственной, національной и соціально-экономической жизни. Я знаю, что въ настоящее время мои взгляды удѣлъ немногихъ, но для того то я и настаиваю на полной и неограниченной свободѣ ихъ высказывать и защищать, чтобы постепенно они могли стать достояніемъ большинства — единственный залогъ возможности претворенія ихъ въ дѣйствительность.

Итакъ, что бы ни говорили, въ силу обычаевъ традиціонной международной вѣжливости и политическихъ соображеній, монархи въ своихъ застольныхъ тостахъ и министры въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, вооруженное наше столкновеніе съ Пруссіей и Австріей предстоитъ въ недалекомъ будущемъ. Я довольно подробно останавливался на этой мысли въ своей статьѣ „Caveant consules!“, появившейся полтора года тому назадъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Съ тѣхъ поръ событія лишь подкрѣпили мои соображенія новыми фактами: усиленнымъ ростомъ вооруженій Германіи и особенно Австріи, укрѣпленіемъ подъ давленіемъ неразборчивой въ средствахъ Пруссіи маленькихъ сосѣднихъ, даже нейтрализованныхъ

государствъ, проведеніемъ Пруссіей къ границамъ этихъ государствъ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ путей и проч. Не на этой мысли, уже достаточно выясненной, я намѣренъ теперь останавливаться, а на той роли, которую суждено сыграть русско-польскимъ отношеніямъ въ предстоящемъ намъ вооруженномъ столкновеніи съ Германіей—Пруссіей и Австріей.

Послѣ только что пережитыхъ нами неудачъ огромное значеніе того или иного исхода предстоящей намъ войны съ нѣмцами для всѣхъ сторонъ и проявленій нашей національной жизни не подлежитъ сомнѣнію. Новое пораженіе ляжетъ новымъ гнетомъ на нашъ, несомнѣнно, болѣющій народный духъ и государственный организмъ. Наоборотъ, побѣда окрылитъ насъ, принесетъ полное исцѣленіе и заживленіе еще до сихъ поръ сочащимся кровью ранамъ нашего національнаго самолюбія. Всякая война своего рода экзаменъ для націи, своего рода испытаніе прочности и цѣлесообразности государственнаго и общественнаго ея механизма. Есть моменты въ жизни народовъ, когда война является для нихъ печальной необходимостью, какъ единственный выходъ изъ овладѣвшаго націей унынія и разочарованія въ собственныхъ духовныхъ и матеріальныхъ силахъ. Но предстоящая намъ грандіозная борьба съ нѣмечествомъ, помимо своего огромнаго моральнаго значенія, должна принести съ собою и разрѣшеніе накопившихся за послѣднее время весьма острыхъ и жгучихъ національныхъ и этнографическихъ вопросовъ. И вотъ въ этомъ отношеніи намъ, русскимъ, слѣдуетъ въ полной мѣрѣ уяснить себѣ значеніе, объемъ и достижимость тѣхъ реальныхъ политическихъ задачъ, осуществленіе которыхъ мы должны имѣть въ виду, какъ конечную цѣль нашей побѣды надъ Германіей—Пруссіей и Австріей.

Какъ я уже писалъ полтора года тому назадъ, чтобы навсегда покончить съ безконечнымъ ростомъ созданнаго Пруссіей милитаризма, гнетъ котораго особенно тягостенъ для насъ, русскихъ, какъ народа, экономически бѣднаго и нуждающагося въ огромныхъ матеріальныхъ средствахъ для проведенія цѣлаго ряда неотложныхъ внутреннихъ культурныхъ реформъ, недостаточно сокрушить военную мощь Пруссіи,—надо ее разъ навсегда обезвредить, а для этого въ нашей программѣ должно стоять: уничтоженіе германской имперіи, какъ политическаго цѣлаго, являю-

щагося послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ненасытной Пруссіи, и взамѣнъ этого возстановленіе прежняго союза самостоятельныхъ, между собою соперничающихъ нѣмецкихъ государствъ, притомъ государствъ, по возможности, между собою территоріально уравновѣшенныхъ, и въ связи съ этимъ окончательное высвобожденіе западнаго славянства изъ путъ нѣмечества и созданіе новыхъ независимыхъ славянскихъ государствъ.

Мыслимъ ли настолько полный военный успѣхъ на нашей сторонѣ, чтобы планъ этотъ сталъ осуществимъ? Вотъ вопросъ, по поводу котораго можно долго и безрезультатно спорить. Мы, русскіе, вообще чрезвычайно, чтобы не сказать черезчуръ, скромны въ самооцѣнкѣ, въ оцѣнкѣ своей дѣйствительно исключительной духовной и физической боевой мощи. Между тѣмъ даже и теперь, послѣ нашихъ дальневосточныхъ неудачъ, въ глазахъ всѣхъ маломальски серьезныхъ военныхъ авторитетовъ Запада, мы попрежнему являемся грозной силой, съ которой очень и очень надо считаться и далеко не легко справиться. Притомъ же, поскольку можно судить со стороны, наше военное вѣдомство эти послѣднія нѣсколько лѣтъ дѣйствительно энергично и настойчиво взялось за реорганизацію и возсозданіе военной обороны нашего отечества. Понятно, было бы смѣшно утверждать, что мы безусловно и при всякихъ обстоятельствахъ можемъ разсчитывать на успѣхъ. Но вѣдь и у нѣмцевъ, несмотря на ихъ невѣроятное самодовольство и бахвальство, нѣтъ полной увѣренности въ своемъ превосходствѣ: иначе они такъ долго не толклись бы неувѣренно на мѣстѣ и поспѣшили бы использовать переходное, притомъ близящееся къ концу время нашей военной немощи.

Но перейдемъ снова къ разсмотрѣнію практическихъ результатовъ нашей побѣды надъ Германіей и Австріей. Итакъ, теперешняя германская имперія уступитъ мѣсто прежнему германскому союзу, поглощенныя Пруссіей германскія государства будутъ возстановлены, отторгнутыя отъ Саксоніи, Даніи и Франціи области будутъ имъ возвращены, нѣмецкія области Австріи будутъ присоединены къ Баваріи, въ лицѣ которой создается внушительный противовѣсъ Пруссіи, на развалинахъ Австріи и Венгріи возникнетъ нѣсколько самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, какъ то королевство Чешско-Моравское и друг.

Наконецъ, last but not least, всѣ польскія или полупольскія провинціи Пруссіи и Австріи отойдутъ къ Россіи.

Здѣсь мы сталкиваемся съ самымъ слабымъ пунктомъ нашей программы, съ ея ахиллесовой пятой. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время, при теперешнемъ характерѣ русско-польскихъ отношеній, Россіи прямо таки опасно сосредоточивать у себя польскую смуту, которая, вслѣдствіе концентраціи, выиграетъ въ силѣ и страстности и вдобавокъ получитъ поддержку извнѣ, отъ сосѣда, болѣе не связаннаго съ нами общностью интересовъ. Какъ же быть? Оставить прусскихъ поляковъ нѣмцамъ на поглощеніе? Хотя задача эта даже для Пруссіи не изъ легкихъ, она все же, рано или поздно, должна осуществиться если полякамъ не придетъ помощь извнѣ. Затѣмъ современемъ наступитъ чередъ и австрійскихъ поляковъ, хотя они вѣроятно, еще сравнительно долго будутъ играть роль привилегированнаго, повидимому, безсознательнаго охранителя и союзника австрійскаго нѣмечества,—положеніе, которое имъ удастся сохранить тѣмъ дольше, чѣмъ позже произойдетъ наше вооруженное столкновеніе съ нѣмцами. Въ случаѣ побѣды нѣмцевъ надъ русскими поглощеніе поляковъ Пруссіей совершится еще быстрѣе. Наше пораженіе, несомнѣнно, привело бы между прочимъ къ присоединенію Привислинскаго края къ Пруссіи. Численность поляковъ въ Пруссіи, вслѣдствіе этого, чрезвычайно увеличилась бы, но это обстоятельство едва ли смогло бы перевѣсить и осилить такое страшное орудіе въ борьбѣ національностей, какъ тотъ невѣроятный моральный успѣхъ, который выпалъ бы на долю нѣмцевъ, какъ результатъ побѣды, и привелъ бы къ еще бо́льшему подъему ихъ національнаго духа и гордости.

Итакъ, при теперешнемъ враждебномъ характерѣ русско-польскихъ отношеній создается въ области предстоящей намъ внѣшней нашей политики въ Европѣ какъ бы заколдованный кругъ. Сохраненіе поляками прежнихъ непріязненныхъ къ намъ чувствъ грозитъ имъ въ недалекомъ будущемъ поглощеніемъ нѣмечествомъ, сперва заграницей, а потомъ, можетъ быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ предѣлахъ нашего Привислинскаго края, мысль о чемъ не можетъ не претить все растущему и крѣпнущему у насъ чувству славянской солидарности. Съ другой стороны, задаться цѣлью объединить въ настоящее

время всѣхъ поляковъ въ предѣлахъ русскаго государства значитъ оживить и дать новую пищу такъ называемой великопольской, Ягеллоновской идеѣ (Польша отъ моря и до моря). Найти исходъ изъ этого тягостнаго и неопредѣленнаго положенія—дѣло такта и чувства самосохраненія поляковъ. Русско-польское сближеніе для насъ, русскихъ, несомнѣнно, полезная политическая величина, но для поляковъ въ настоящее время это положительно вопросъ жизни или смерти.

О тѣхъ уступкахъ, которыхъ въ правѣ потребовать отъ поляковъ русскій народъ, мы поговоримъ ниже, а сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ реальныхъ предложеніяхъ съ нашей, русской, стороны, на основѣ которыхъ могло бы состояться русско-польское сближеніе и прочное, безповоротное соглашеніе.

Дѣло въ томъ, что мы никогда не стремились къ обрусѣнію коренной, этнографически сплошной Польши, какъ къ самодовлѣющей цѣли, такъ какъ вполнѣ сознавали чрезвычайную для насъ трудность, можно сказать, почти недостижимость этой задачи. Наша политика такъ называемаго гнета въ отношеніи поляковъ вызвана къ жизни двумя мечтами поляковъ, получившими весьма недвусмысленное выраженіе въ двухъ послѣдовательныхъ польскихъ возстаніяхъ въ прошломъ столѣтіи, да, пожалуй, хоть и въ слабой степени, въ только что пережитомъ нами лихолѣтіи.

Эти мечты: возсозданіе прежняго независимаго воинствующаго польскаго королевства со включеніемъ въ него всѣхъ владѣній прежняго Великаго Княжества Литовскаго и въ связи съ этимъ ополяченіе и окатоличеніе этого послѣдняго (т. е. Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края). Ни та ни другая мечта неосуществимы, покуда жива Россія, а сомнѣваться въ ея живучести пока едвали приходится. Мы не можемъ допустить возстановленія независимаго польскаго государства съ завоевательными тенденціями—мысль, которую едвали нужно доказывать въ виду всего прошлаго русско-польскихъ отношеній. Что касается ополяченія и окатоличенія областей прежняго Великаго Княжества Литовскаго, то яснѣе яснаго утопичность и безпочвенность этой мечты въ отношеніи края, ничего общаго съ Польшей не имѣющаго ни въ этнографическомъ ни, на бо́льшей части своей площади, въ религіозномъ отношеніи. Еслибы сталъ возможенъ дѣйствительно искренній,

вполнѣ лояльный отказъ поляковъ отъ этихъ двухъ мечтаній, или, вѣрнѣе, политическихъ затѣй—фантазій, думается, что коренныя, этнографически сплошныя польскія области, какъ находящіяся въ державномъ обладаніи Россіи (Привислинскій край), такъ и отторгнутыя отъ Пруссіи и Австріи, могли бы быть смѣло объединены, безо всякаго вреда для русскихъ интересовъ, подъ скипетромъ русскихъ государей на положеніи края, пользующагося широкой культурной и національной автономіей.

Понятно, что даже при лояльности и искренности польскихъ завѣреній разъ на всегда должна была бы быть устранена какая бы то ни было малѣйшая возможность возвращенія къ старому. Военная оборона будущаго автономнаго края безусловно и безповоротно должна была бы остаться въ рукахъ русской власти, равнымъ образомъ, можетъ быть, и высшее управленіе и верховное руководство финансами. Говорить о подробностяхъ автономіи теперь было бы и преждевременно и безполезно. Русская власть и русское общество въ настоящее время обладаютъ вполнѣ достаточными опытомъ и трезвостью политическаго мышленія, чтобы правильно судить о допустимости тѣхъ или иныхъ уступокъ: въ этомъ отношеніи у насъ передъ глазами прошлое той же Польши, Финляндіи и другихъ окраинъ. Незыблемой должна лишь остаться при всякихъ обстоятельствахъ и при всякихъ условіяхъ столь неприкосновенная основа всякой общей государственности, какъ сосредоточеніе военныхъ силъ въ рукахъ единой имперской власти. Что же касается другихъ подробностей автономіи, которая могла бы быть дарована полякамъ, какъ результатъ состоявшагося русско-польскаго компромисса, многое въ ту пору зависѣло бы отъ дѣйствительнаго характера русско-польскихъ отношеній и искренности примиренія и сближенія съ нами поляковъ.

Гораздо своевременнѣе въ данный моментъ и въ то же время на первый взглядъ сложнѣе вопросъ о племенномъ и этнографическомъ характерѣ предполагаемаго автономнаго польскаго края. Кромѣ Привислинскаго края въ него вошли бы слѣдующія отвоеванныя отъ непріятеля польскія области. Отъ Австріи западная, менѣе значительная часть Галиціи съ городомъ Краковомъ. Что касается восточной, наибо́льшей части Галиціи (Червонной Руси), приблизительно къ востоку отъ 40-го градуса восточной

долготы (отъ Ферро), и Буковины, то эти области, какъ населенныя такъ называемыми руссинами (т. е. тѣми же малороссами), были бы присоединены къ русскимъ областямъ Россійской Имперіи и такимъ образомъ русскій народъ вошелъ бы въ Европѣ въ свои естественныя этнографическія границы. Австрійская Силезія только въ незначительной своей части отошла бы къ Польшѣ, такъ какъ часть ея входить въ сферу чешской культуры и національности. Есть въ ней и спорные участки, напримѣръ, Княжество Цѣшинское (Teshen) къ юго-западу отъ Кракова, на которое простираютъ свои претензіи и чехи и поляки, но споръ этотъ по своему значенію ничтоженъ и потому легко разрѣшимъ. Что касается прусской Силезіи, то бо́льшая ея часть съ городомъ Вроцлавомъ (Бреславль) вошла бы въ составъ Польши. Наконецъ, отошли бы къ Польшѣ прусскія провинціи: Познань, Западная Пруссія съ древнимъ польскимъ городомъ Гданскомъ (Данцигъ) и Восточная Пруссія съ городомъ Кролевцомъ (Кенигсбергъ).

Что сказать о племенной однородности будущаго автономнаго польскаго края? Поляки за послѣднее время дали блестящія, лестныя для славянскаго самосознанія, доказательства своей стойкости, упорства и дисциплинированности въ борьбѣ съ наступательнымъ воинствующимъ германизмомъ. Несмотря на неразборчивость Пруссіи въ средствахъ борьбы (законъ о принудительномъ отчужденіи земель), несмотря на изумительную солидарность всѣхъ буржуазныхъ нѣмецкихъ партій въ вопросѣ о германизаціи прусскихъ польскихъ провинцій, поляки не сдаютъ нѣмцамъ своихъ позицій. Наоборотъ, какъ мнѣ говорили сами пруссаки, есть мѣстности, напримѣръ, возлѣ Торна въ провинціи Западная Пруссія, гдѣ германизація идетъ назадъ, а полонизація дѣлаетъ успѣхи. Съ другой стороны, польская пропаганда среди родственныхъ полякамъ Кассубовъ, о которыхъ рѣчь будетъ итти ниже, все растетъ. На польскомъ характерѣ Западной Галиціи, великаго Княжества Познанскаго и части Силезіи едвали нужно настаивать. Затрудненія для полонизаціи представятся лишь въ прусской части Силезіи и въ провинціяхъ Западная и Восточная Пруссія. Но въ этихъ послѣднихъ да вытѣснятъ и замѣнятъ неуклюжихъ пруссаковъ столь изощрившіеся за послѣднее время въ своей ассимиляторской дѣятельности прусскіе поляки! А что они будутъ имѣть успѣхъ и что

полонизація даже провинцій Восточная и Западная Пруссія задача далеко не неосуществимая, попробуемъ привести этому доказательства.

У насъ очень мало знакомы съ истиннымъ положеніемъ вещей въ польскихъ и полупольскихъ провинціяхъ прусскаго королевства. Дѣло въ томъ, что даже въ провинціяхъ Западная и Восточная Пруссія германизація и по сію еще пору поверхностная: она коснулась главнымъ образомъ помѣщиковъ и горожанъ (весьма значительный процентъ чисто нѣмецкихъ по духу прусскихъ дворянскихъ семействъ носитъ польскія фамиліи). Что касается огромной массы сельскаго населенія, то она еще въ очень многихъ мѣстностяхъ осталась польской или литовской. Болѣе или менѣе крупные центры всѣ переименованы на нѣмецкій ладъ, но мелкія поселенія и до сихъ поръ еще кишатъ славянскими названіями. Приведу для примѣра нѣсколько такихъ первыхъ попавшихся названій изъ сохранившихся официально. Въ Восточной Пруссіи: Садлово (возлѣ Алленштейна, т. е. въ самомъ сердцѣ провинціи), Громово, Зимнавода, Бяла, Козловъ (Koslau), Мельно, Едвабно и друг., въ Западной Пруссіи, въ самомъ ея сердцѣ Лѣсно, Студенецъ (Stüdnitz), Мокровъ (Mockrau), Вишневка и Сыпнево (возлѣ Friedland), Лобовъ (Löbau), Радомно, Тересполь (возлѣ Kulm), Млечево (возлѣ оплота германизма—знаменитаго Маріенбурга) и проч.

Во многихъ мѣстахъ, гдѣ правительство замѣнило польскія названія нѣмецкими, переименованія не удались. Славянскія названія упорно держатся и пруссаки на своихъ географическихъ картахъ возлѣ официальныхъ нѣмецкихъ названій вынуждены ставить въ дѣйствительности сохранившіяся славянскія. Напримѣръ: въ провинціи Восточная Пруссія—Flammberg — Опаленецъ. Въ провинціи Западная Пруссія: Lissau—Лисево, Schmeniau—Червинскъ (возлѣ Marienwerder), Schüttenrode—Возивода. Въ провинціи Познань: Hohensalza—Иноврацлавъ, Schwarzenau—Чернѣево, Blümenau—Квѣцишево, Bismarckshöhe—Стайково, Güldenau—Поляево, Rohrbruch—Рынаржево (возлѣ Бромберга) и друг.

Русская публика совсѣмъ не отдаетъ себѣ отчета, до чего туго до сихъ поръ подвигается германизація коренныхъ прусскихъ областей—провинцій Восточная и Западная Пруссія. Крайній восточный гоулъ провинціи Восточ-

ная Пруссія до сихъ поръ литовскій и простонародье сплошь говоритъ тамъ по литовски. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно почитать хотя бы романы и повѣсти Зудермана, дѣйствіе которыхъ происходитъ въ этой мѣстности, напримѣръ, «Огни Ивановой Ночи». Кстати, этотъ уголъ пров. Вост. Пруссія долженъ отойти къ русскимъ (литовскимъ) областямъ и граница выравняться по теченію рѣки Нѣмана. Весь югъ провинціи Вост. Пруссія и части провинціи Зап. Пруссія населенъ Мазурами. Только центральная часть провинціи Восточная Пруссія болѣе или менѣе германизована (?). Зато восточная часть провинція Западная Пруссія сплошь заселена славянскимъ племенемъ Кассубы, и я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ обстоятельствѣ, какъ яркомъ доказательствѣ до сихъ поръ еще въ корнѣ славянскаго характера такихъ, казалось бы на первый взглядъ, чисто нѣмецкихъ областей, какъ провинціи Восточная и Западная Пруссія.

Только что въ Германіи вышла изъ печати книга на нѣмецкомъ языкѣ: Von einem unbekannten Volke in Deutschland; ein Beitrag zur Volks-und Landeskunde der Kaschubei von Ernst Seefried-Gulgowski; mit einem Geleitwort von Professor Sohnrey. Нѣмецкія газеты отзываются объ этомъ сочиненіи, какъ о весьма добросовѣстномъ и безпристрастномъ трудѣ. Авторъ между прочимъ доказываетъ, что среди Кассубовъ, славянскаго племени, весьма близкаго по языку и происхожденію къ полякамъ, германизація не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ. Несмотря на усилія прусскаго правительства, Кассубы продолжаютъ упорно держаться своего родного языка и національныхъ обычаевъ. Кассубы тянутся почти сплошной широкой полосой вдоль лѣваго берега Вислы въ провинціи Западная Пруссія отъ берега Балтійскаго моря возлѣ Данцига почти до самаго Бромберга. Они занимаютъ слѣдующіе округа (Kreise) провинціи Западная Пруссія: Danziger Höhe, Neustadt in Westpreussen, Putzig, Ka , ursth Berent, Konitz, Schlochau Кому при чтеніи этихъ чисто нѣмецкихъ названій административныхъ округовъ въ самомъ сердцѣ Пруссіи прійдетъ мысль, что край эи аоотъпт сю пору сплошь населенъ славянами, и слышать ничего не хотящими о нѣмецкой культурѣ. Встрѣчаются отдѣльные Кассубскіе оазисы и на правомъ берегу Вислы, причемъ къ югу отъ знаменито твердыни Нѣмецкаго Ордена, этого какъ бы символа

прусскаго воинствующаго нѣмечества, знаменитой исторической крѣпости Маріенбурга, мимо которой всѣ мы ѣдемъ въ Берлинъ, въ непосредственномъ отъ нея сосѣдствѣ населеніе сплошь Кассубское. По вычисленіямъ упомянутаго мной сочиненія Кассубовъ въ провинціи Западная Пруссія до 200.000, но судя по пространству, которое они занимаютъ на картѣ, нужно думать, что ихъ гораздо больше.

Возвращеніе провинцій Зап. и Вост. Пруссія на лоно польской культуры и національности для непосвященнаго въ вопросъ читателя своего рода абсурдъ, нелѣпая, утопическая затѣя. А между тѣмъ, если глубже вникнуть въ суть дѣла, оно представляется далеко не такимъ безнадежнымъ замысломъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Оказывается, что всѣ факторы полонизаціи еще до сихъ поръ на лицо въ этомъ краѣ: они лишь притихли и таятся подъ спудомъ. Ихъ надо лишь оживить, лишь вновь вызвать къ жизни и нужно думать, что мастера своего дѣла, поляки, въ странѣ, гдѣ все будетъ польское: и администрація, и судъ, и школа,—въ какихъ нибудь полстолѣтія успѣшно справятся съ полонизаціей возвращенныхъ имъ провинцій.

Для поляковъ отъ Россіи эти провинціи явились бы такимъ даромъ, которымъ, нужно думать они не побрезгали бы. Но, слѣдуя правилу «do ut des», перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію вопроса, какихъ выгодъ ждетъ для себя Россія отъ поляковъ взамѣнъ всего того, что она можетъ имъ предоставить.

Еще и еще разъ подчеркнемъ то обстоятельство, что для поляковъ вопросъ о примиреніи и сближеніи съ Россіей вопросъ жизни или смерти. Допустимъ, что поляки, въ силу традицій, хоть и отжившихъ свое время, устарѣлыхъ, обветшавшихъ, но психологически надъ ними все еще попрежнему властныхъ, будутъ упорно отказываться отъ примиренія и сближенія съ Россіей. Что ждетъ ихъ тогда, надо полагать, въ недалекомъ будущемъ? Надъ этимъ стоитъ серьезно призадуматься. Тогда, въ случаѣ нашей побѣды надъ нѣмцами, поляки ничего не выиграютъ, въ случаѣ же нашего пораженія, имъ прійдется совсѣмъ плохо въ объятіяхъ окончательно обнаглѣвшей Пруссіи. Но можетъ случиться, что вооруженнаго столкновенія между Россіей и Пруссіей удастся какъ нибудь избѣжать, а привислинскіе поляки все же, если будутъ упорствовать въ

своемъ озлобленіи противъ Россіи, попадутъ въ желѣзные тиски пруссаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть ли намъ смыслъ ломать копья за непримиримыхъ сородичей, которые изъ за какого то непонятнаго point d'honneur во чтобы то ни стало желаютъ продолжать насъ ненавидѣть или представляться, что ненавидятъ, да вдобавокъ еще стóятъ намъ массы денегъ и хлопотъ. Въ настоящее время нѣмцы, повидимому, опять усиленно насъ толкаютъ на Востокъ. Впереди, если мы тамъ снова увязнемъ, еще мыслимы всевозможныя политическія комбинаціи. Если намъ прійдется навсегда отказаться отъ мысли о польско-русскомъ сближеніи, развѣ не можетъ случиться, что и безо всякой войны, ради полной свободы дѣйствій, которую Пруссія намъ предоставитъ на Востокѣ, и сохраненія ею дружественнаго нейтралитета, мы уступимъ ей Привислинскій край, постоянный для насъ источникъ заботъ и расходовъ? Россія долго стоять на мѣстѣ не будетъ. Ея міровая роль далеко еще не сыграна. Она еще двинется или на Востокъ или на Западъ. И вотъ, какъ ни странно это звучитъ, отъ небольшого, но культурнаго польскаго народа, отъ его такта и прозорливости зависитъ, въ какую сторону снова направитъ свой путь русскій колоссъ: суждено ли великой славянской державѣ вновь постоять за общую славянскую идею, или же, волей неволей, мы снова, въ силу нашего историческаго прошлаго, будемъ проливать кровь нашихъ сыновъ за какихъ то чуждыхъ намъ туркменъ, манчжуръ или даже китайцевъ, которые вдобавокъ со временемъ въ нѣдрахъ нашего же, столь для всѣхъ гостепріимнаго, отечества явятся тѣмъ разлагающимъ элементомъ, который поведетъ къ нашему вырожденію, какъ въ физіологическомъ, такъ и психологическомъ отношеніи.

Итакъ, для насъ, русскихъ, улучшеніе русско-польскихъ отношеній вопросъ важный, но для поляковъ это вопросъ существованія. Велики ли тѣ уступки, котóрыхъ мы требуемъ отъ поляковъ въ возмѣщеніе за то, что могли бы имъ предложить? Мы ждемъ отъ поляковъ лишь дѣйствительнаго, нелицемѣрнаго отреченія, съ одной стороны, отъ мечтаній о самостоятельномъ польскомъ государствѣ, стремящемся къ расширенію своихъ владѣній за счетъ Россіи, а съ другой, отъ мнимыхъ правъ польскаго народа на бывшее Великое Княжество Литовское. О значеніи перваго отказа едвали приходится много говорить, такъ какъ

онъ почти уравновѣшивается той автономіей, которую мы можемъ предложить полякамъ въ предѣлахъ коренной, округленной на счетъ Пруссіи и Австріи, Польши. Интереснѣе для насъ второй отказъ и его мыслимость съ точки зрѣнія психологіи поляковъ Великаго Княжества Литовскаго (Сѣверо-Западный и Юго-Западный край).

Поляки тамъ горсточка, но горсточка стойкая, культурная и консервативная. Какъ важно было бы для правительства опереться на подобный надежный элементъ, предоставить ему въ деревнѣ то руководящее и рѣшающее культурное вліяніе, которое ему подобаетъ! Но покуда всякій полякъ въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ фанатичный мечтатель о возсозданіи польскаго государства отъ моря и до моря, перемѣна въ теперешнемъ нашемъ отношеніи къ тамошнимъ польскимъ помѣщикамъ немыслима. Въ ущербъ здравой соціальной политикѣ, но во имя охраненія началъ русской государственности, всякое, даже самое консервативное, правительство видитъ себя вынужденнымъ оттѣснить поляковъ Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго края на задній планъ и замѣнить ихъ въ области администраціи, мѣстнаго самоуправленія и суда пришлымъ мелкимъ чиновникомъ—кадетомъ, представителями соціалистически настроеннаго умственнаго пролетаріата и интеллигенціи или культурно отсталаго крестьянства. Мало отраднаго въ этой картинѣ для русскихъ государственныхъ людей, такъ какъ они не могутъ не сознавать, насколько подобный порядокъ ненормаленъ, насколько пагубно онъ долженъ отразиться на культурной эволюціи края, на процессѣ здороваго и правильнаго умственнаго и нравственнаго развитія народныхъ массъ. Но всего ужаснѣй это положеніе вещей отразится на участи самихъ польскихъ помѣщиковъ. Хотя въ ихъ рукахъ земля держится крѣпко, но этого еще недостаточно. Не о единѣмъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ! Если событія нашей внутренней политической жизни будутъ итти теперешнимъ ускореннымъ ходомъ, а поляки, цѣпляясь за устарѣвшія, обветшалыя и безпочвенныя традиціи, будутъ упорно замыкаться въ роли общественныхъ парій, они рискуютъ создать себѣ такую нравственную атмосферу, отъ которой сами со временемъ, несмотря на всѣ свои безспорныя права на землю, побѣгутъ на край свѣта.

Гдѣ почва, въ чемъ основа для польскихъ мечтаній

въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ? Бывшее: Великое Княжество Литовское въ этнографическомъ отношеніи ничего общаго съ коренной Польшей не имѣетъ край этотъ лишь въ незначительной своей части литвинскій, а въ остальной—русскій (бѣлорусскій и малорусскій). Что касается самаго происхожденія высшаго общественнаго класса Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, то есть тамошнихъ помѣщиковъ, то лишь незначительная ихъ часть состоитъ изъ потомковъ пришлыхъ изъ Польши поляковъ, которымъ послѣ литовско-польской уніи польскими королями даровэны земли на Литвѣ. Остальные—потомки мѣстныхъ уроженцевъ русской (или литовской) крови. Ихъ предки очень долго держались православія и родного (т. е. русскаго) языка (бывшаго въ Вел. Кн. Литовскомъ государственнымъ) и окатоличились и ополячились сравнительно очень недавно, главнымъ образомъ лишь въ XVIII-мъ столѣтіи.

Правда, эти наносныя польскія культурныя наслоенія, именно благодаря пережитымъ польскимъ народомъ за послѣднія полтора столѣтія политическимъ невзгодамъ, пріобрѣли характеръ особенной стойкости и закаленности. Однако русскій народъ и не требуетъ, чтобы польская шляхта Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края отказалась въ своей частной жизни отъ своей польской культуры и католической религіи. Пусть въ своемъ домашнемъ обиходѣ помѣщики продолжаютъ говорить на польскомъ языкѣ и сохранять и лелѣять свою польскую культуру, но въ то же время пусть станутъ дѣйствительно вѣрными подданными русскаго государства, пусть открыто и нелицемѣрно признаютъ край, въ которомъ живутъ, искони русскимъ, пусть откажутся отъ безпочвенныхъ мечтаній о его полонизаціи и окатоличеніи. Вѣдь не удалось этого сдѣлать при польской власти и всемогуществѣ католической церкви. Мыслимо ли осуществленіе этой задачи теперь при все растущемъ и крѣпнущемъ національномъ самосознаніи русскихъ? Нынѣ полякамъ ждать поддержки извнѣ уже неоткуда. Времена Наполеоновъ миновали безвозвратно. Когда то искусственно раздувавшая пламя польскаго патріотизма, Франція въ настоящее время слишкомъ заинтересована въ сохраненіи мощи и неприкосновенности Россіи. Англія и подавно. Даже въ случаѣ побѣды надъ нами Пруссіи сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ полякамъ

лучше не станетъ. Зато еслибы поляки дѣйствительно искренно, нелицемѣрно и безповоротно пошли на компромиссъ съ Россіей, мы охотно предоставили бы имъ вполнѣ имъ подобающую въ Западной Россіи руна объ руку съ мѣстными русскими землевладѣльцами культурно-соціальную миссію.

Хотя моей аргументаціи никакъ нельзя отказать въ логичности, я знаю, что не въ ней центръ тяжести мучительнаго польскаго вопроса. Легче справиться съ разсудкомъ, чѣмъ побороть глубоко и крѣпко засѣвшія въ тайникахъ народной души чувства. Въ жизни поляковъ слишкомъ прочно внѣдрились извѣстныя традиціи благородства въ формѣ беззавѣтнаго служенія и поклоненія національной идеѣ. Можно ли сомнѣвается въ томъ, что въ національномъ мученичествѣ есть крупная доля своеобразнаго самоуслажденія! Участь стѣсненнаго въ своихъ правахъ, но боготворящаго свою національную идею, скрашивающую ему жизнь, поляка—не завиднѣе ли она удѣла тѣхъ полноправныхъ русскихъ гражданъ, которые только и знаютъ, что хаютъ да поносятъ свою національность и государство!

Но въ отношеніи теперешнихъ западно-русскихъ поляковъ въ томъ то и дѣло, что въ настоящее время ихъ пресловутое національное мученичество, если безпристрастно вникнуть въ ихъ положеніе, въ сущности, призрачное, кажущееся, мнимое, гнетъ, будто бы ими испытываемый, не болѣе какъ безпочвенная фикція, а враждебность, которую они продолжаютъ выказывать Россіи, лишь своего рода традиція, продолжающаяся по инерціи и не оправдываемая реальной дѣйствительностью.

Въ самомъ дѣлѣ, матеріальное благополучіе польскихъ дворянъ—помѣщиковъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (Сѣверо-Западный и Юго-Западный край) стоитъ на очень высокой степени развитія, причемъ этимъ они обязаны не только своимъ личнымъ культурнымъ качествамъ, но прежде всего политикѣ русскаго правительства. Несомнѣнно, что мѣропріятія экономическаго и политическаго характера нашего правительства въ отношеніи областей Великаго Княжества Литовскаго вовсе не имѣли въ виду обогащенія поляковъ; наоборотъ, бо́льшая ихъ часть безусловно ставила себѣ задачей ослабленіе польскаго элемента, но фактически всѣ эти мѣропріятія поддержали и укрѣпили польское землевладѣніе, противъ котораго были направлены,

а потому, казалось бы, пора разсѣять миражъ польскаго мученичества въ Западной Руси и это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что, несомнѣнно, многихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей западно-русской польской шляхты въ сильной степени отъ сближенія съ русскимъ обществомъ удерживаетъ оскорбительная для нихъ мысль, что, рѣшаясь на этотъ шагъ, поляки совершаютъ своего рода актъ апостазіи, отступничества отъ святыхъ завѣтовъ прошлаго, ради полученія извѣстныхъ выгодъ въ русскомъ государствѣ. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Отказываясь отъ проведенія великопольской идеи въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, западно-русскіе поляки, съ одной стороны, оказываютъ безкорыстную услугу привислинскимъ полякамъ, такъ какъ дѣлаютъ осуществимымъ при извѣстныхъ условіяхъ и гарантіяхъ возсозданіе подъ скипетромъ русскихъ государей автономной этнографически сплошной коренной Польши, а, съ другой стороны сами они въ странѣ, которую обитаютъ (Юго-Западный и Сѣверо-Западный край), пріемлютъ на себя тяжкія обязанности въ отношеніи народныхъ массъ и государства, которыхъ до сихъ поръ почти не несли, хотя фактически болѣе, чѣмъ кто либо, пользовались выгодами правильно организованной государственности.

Будемте откровенны и безпристрастны, господа западно-русскіе поляки! Чѣмъ въ настоящее время жизнь ваша не красна въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ? Пріобрѣтать землю вамъ теперь разрѣшено (хотя бы только отъ поляковъ же). Долго полякамъ почти не было доступа на государственную службу, военную и гражданскую, а если и былъ, то безъ шансовъ на движеніе. Но развѣ русскаго, въ особенности великорусскаго, помѣщика не разорила служба въ Петербургѣ, гвардіи, арміи и канцеляріяхъ, развѣ она не отбила его отъ земли, не отвратила отъ хозяйства, не обезличила и въ концѣ концовъ не сгубила, выбросивши за бортъ землевладѣнія! Польскіе помѣщики не могли и не могутъ быть предводителями дворянства. Что они вслѣдствіе этого потеряли? Развѣ предводительство обогатило русскихъ помѣщиковъ? Наоборотъ, это одна изъ тѣхъ почетныхъ должностей, которая болѣе другихъ давала пищу и поводъ широкому размаху русской натуры и доконала тѣхъ, кого почему либо пощадила гражданская или военная служба.

Сѣверо-Западный и Юго-Западный край до самаго послѣдняго времени были лишены земскаго самоуправленія. О цѣнности культурныхъ благъ, которыя даетъ земство, можно спорить. Одно несомнѣнно: львиная доля земскихъ расходовъ идетъ на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ—на начальныя школы, больницы и агрономію для подъема крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ всѣ земскіе платежи помѣщики несутъ наравнѣ съ крестьянами. Я не хочу сказать, что такой порядокъ ненормаленъ. Очень возможно, что онъ является компенсаціей за тѣ расходы (хотя и много меньшіе, чѣмъ земскіе), которое крестьянство несетъ на содержаніе крестьянской волости, обслуживающей и помѣщиковъ. Несомнѣнно также, что справедливость дозволяетъ облагать прямыми налогами классы имущіе нѣсколько тяжелѣе, чѣмъ неимущіе, такъ какъ на послѣднихъ приходится подавляющее бремя косвенныхъ налоговъ (акцизовъ). Не вопросъ объ уравнительности распредѣленія податнаго бремени между отдѣльными производительными общественными классами меня въ данный моментъ интересуетъ, а то весьма оригинальное обстоятельство, что русское правительство, лишивъ изъ соображеній политическихъ Сѣверо-Западный и Юго-Западный край земскаго самоуправленія, тѣмъ самымъ фактически освободило тамошнихъ польскихъ помѣщиковъ отъ весьма солидныхъ платежей, которые они несли бы при земствѣ на пользы и нужды мѣстнаго литовскаго и русскаго (бѣлорусскаго и малорусскаго) мужика. А вѣдь эти платежи не шуточные! Правда, въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ существовалъ, даже при отсутствіи земства, особый земскій сборъ, утверждавшійся на извѣстное число лѣтъ Государственнымъ Совѣтомъ, но онъ въ среднемъ колебался, кажется, между 5 и 7 копѣйками съ десятины, тогда какъ земскіе сборы въ земской Россіи въ среднемъ за послѣднее время равнялись чуть ли не одному рублю съ десятины. Я не занимался точнымъ подсчетомъ, но думаю, что за время существованія земства польскіе западно-русскіе помѣщики (считая и проценты на капиталъ) получили по сравненію съ помѣщиками земскихъ русскихъ губерній подарокъ отъ государства въ среднемъ рублей въ 50 на десятину, а если принять среднюю стоимость десятины за этотъ періодъ времени въ 100 рублей, выходитъ, что каждый западно-русскій польскій помѣщикъ получилъ отъ

«угнетавшей» его Россіи въ подарокъ полъстоимости принадлежавшаго ему имѣнія. Надо еще замѣтить, что въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ довольно долго существовалъ обидный для поляковъ процентный контрибуціонный сборъ съ земельныхъ доходовъ, результатъ польскихъ мятежей, причинившихъ Россіи не мало убытковъ. Но, во-первыхъ, этотъ сборъ по тягости не можетъ итти въ сравненіе съ земскими платежами, а во-вторыхъ, отмѣненъ, если не ошибаюсь, уже 15 лѣтъ тому назадъ, кажется къ торжеству коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя. Къ тому же результату, т. е. къ обогащенію польскихъ помѣщиковъ Западной Руси, вели и всѣ лишенныя какой либо политической подкладки экономическія мѣропріятія нашего правительства, напримѣръ, усиленное покровительство сахарной промышленности, наибо́льшую выгоду отъ котораго извлекъ, какъ извѣстно, Юго-Западный край.

Можетъ ли послѣ всего сказаннаго итти рѣчь о какомъ то мученичествѣ западно-русскихъ поляковъ? Въ вопросѣ объ ихъ отношеніи къ Россіи не правильнѣе ли говорить о цѣпляньѣ за обветшавшія безпочвенныя традиціи, о непониманіи истиннаго положенія вещей и требованій момента, объ игнорированіи насущнѣйшихъ интересовъ своихъ и того края, съ которымъ связала ихъ судьба, о несомнѣнномъ, можетъ быть, скоро непоправимомъ вредѣ, который узкостью своихъ политическихъ взглядовъ и своимъ фанатичнымъ упрямствомъ они приносятъ разрѣшенію вопроса о коренной этнографически сплошной Польшѣ.

Пора опомниться, господа! Отъ васъ зависитъ рѣшеніе вопроса, близкаго славянскому сердцу, сознающему, что безпощадный и непримиримый врагъ славянства—прусскій тевтонъ—куетъ счастье и будущность своего народа на наковальнѣ русско-польской распри! Отъ васъ, западно-русская шляхта, долженъ исходить починъ русско-польскаго сближенія! Отъ васъ мы, русскіе, тѣмъ болѣе въ правѣ ждать властно диктуемаго событіями героическаго рѣшенія, что вы не безличная народная масса, всегда и во всемъ дѣйствующая безотчетно и стихійно, а группа людей просвѣщенныхъ, образованныхъ и воспитанныхъ, способныхъ подчинять безразсудныя движенія сердца велѣніямъ совѣсти и разума!

Давно уже мысли и чувства, которымъ я далъ выра-

женіе въ этой статьѣ, наполняютъ мою душу, но я все не рѣшался печатно ихъ высказать, такъ какъ не могъ не отдавать себѣ отчета, что въ настоящее время еще слишкомъ значительно въ моей программѣ преобладаніе элемента добрыхъ пожеланій и надеждъ, что на самомъ дѣлѣ мои замыслы еще слишкомъ рѣзко расходятся съ печальной дѣйствительностью.

Въ сильной степени ободрило меня недавнее выступленіе графа К. О. Корвинъ-Милевскаго сперва въ Вильнѣ, а затѣмъ здѣсь, въ Петербургѣ, на съѣздѣ уполномоченныхъ объединеннаго дворянства. Правда, графъ Корвинъ-Милевскій совсѣмъ не касается вопроса о судьбѣ коренной Польши. Но, какъ мнѣ кажется, я достаточно выяснилъ, что для насъ, русскихъ, первенствующее значеніе имѣетъ разрѣшеніе польскаго вопроса именно въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго. Всякій русскій серьезный государственный дѣятель не можетъ не отдавать себѣ отчета, какое огромное значеніе въ смыслѣ установленія прочнаго соціальнаго мира будетъ имѣть для Западной Руси прекращеніе русско-польской вражды. Если же русско-польскому сближенію въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ такъ и не суждено было бы осуществиться, неминуемо должны, къ великому вреду для мѣстнаго населенія, безплодно исчезнуть и погибнуть въ лицѣ мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ тѣ сильныя духомъ и знаніями культурныя силы, которыя вырабатывались и накоплялись цѣлыми столѣтіями. Грѣхъ былъ бы и на нашей сторонѣ и на сторонѣ поляковъ, еслибы, вслѣдствіе неспособности столковаться и понять другъ друга, эти столь цѣнные элементы культуры и прогресса пропали втунѣ и притомъ именно въ ту пору, когда предстоитъ столько работы, столько неотложнаго дѣла въ нашей заброшенной, одинокой деревнѣ.

Графъ Корвинъ-Милевскій призываетъ своихъ единоплеменниковъ въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго забыть вѣковую вражду и сблизиться съ русскими. Его мотивы и аргументація нѣсколько иные, чѣмъ у меня. Тѣмъ не менѣе выступленіе графа особенно цѣнно, какъ доказательство, что и среди западно-русской польской шляхты стало возможно политическое отрезвленіе, что и среди нея уже встрѣчаются люди, хотя пока и одинокіе, но независимые и безкорыстные, которые сознали всю важность переживаемаго нами историческаго момента и не

страшатся открыто выступить на защиту покуда еще столь непопулярной идеи. Впрочемъ, гр. Корвинъ-Милевскій уже и сейчасъ не совсѣмъ одинокъ. Я помню, пять или шесть лѣтъ тому назадъ, мнѣ пришлось ѣхать заграницей по желѣзной дорогѣ съ представителемъ извѣстной польской аристократической фамиліи Сѣверо-Западнаго края (назвать его я не считаю себя въ правѣ). Мы разговорились и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ (разговоръ шелъ все время по французски) онъ развивалъ мнѣ свои взгляды на отношенія поляковъ къ русскимъ, почти тождественные съ тѣми положеніями, которыя высказываетъ графъ Корвинъ-Милевскій.

Если, въ противоположность графу Корвинъ-Милевскому, обсуждая тѣ пути, по которымъ можетъ и должно произойти польско-русское сближеніе, я коснулся не только судебъ Сѣверо--Западнаго и Юго-Западнаго края, но и участи коренной Польши, то сдѣлалъ я это по слѣдующимъ причинамъ. Западно-русскіе поляки и поляки коренной Польши въ значительной своей части связаны тѣсными узами родства, общности культуры, традицій и воспитанія. Если мы хотимъ прочнаго мира, къ нему желательно привлечь и поляковъ коренной Польши. Въ случаѣ искренняго, нелицемѣрнаго отказа всѣхъ русскихъ поляковъ отъ великопольской Ягеллоновской идеи,—что̀ можетъ имѣть русскій народъ противъ созданія небольшой этнографически сплошной Польши подъ скипетромъ русскихъ государей, Польши не воинствующей, а мирной, такъ какъ военная оборона края, понятно, навсегда осталась бы въ рукахъ Россіи. Неужели поляки не ближе намъ по духу, чѣмъ пруссаки? Въ случаѣ отказа ихъ отъ мысли о Польшѣ отъ моря и до моря, откажемъ ли имъ въ выходѣ хоть къ одному морю Балтійскому, тѣмъ болѣе что подарокъ этотъ будетъ нами сдѣланъ на счетъ неустанно кующихъ противъ насъ свой мечъ пруссаковъ? Неужели же и теперь найдутся среди насъ люди, которые предпочли бы со временемъ увидѣть привислинскій край прусскимъ и стать свидѣтелями окончательной гибели, хотя въ прошломъ и враждовавшаго съ нами, безразсудно и упорно, но все же намъ родственнаго и близкаго по крови, славнаго своимъ культурнымъ прошлымъ, небольшого мужественнаго славянскаго народа? Не думаю чтобы намъ на пользу пришлось поглощеніе поляковъ Пруссіей. Еще и

еще разъ повторю: и для насъ, русскихъ, очень важно русско-польское сближеніе, ввиду неминуемо намъ предстоящаго вооруженнаго столкновенія съ Пруссіей и Австріей.

Итакъ, слово о русско-польскомъ сближеніи и съ той и съ другой стороны произнесено. Что на намѣчаемомъ пути предстоятъ огромныя трудности, смѣшно было бы это отрицать. Приходится и намъ и полякамъ бороться съ вѣковыми предразсудками. Заявленія графа Корвинъ-Милевскаго вызвали среди многихъ его единоплеменниковъ цѣлую бурю негодованія. Та же участь, вѣроятно, ждетъ и мою статью, если только она не пройдетъ незамѣченной. У насъ въ Россіи еще найдется немало людей, въ особенности изъ центральныхъ великорусскихъ губерній, все еще готовыхъ смотрѣть на поляковъ, какъ ни какъ судьбою жестоко испытанныхъ и политически придавленныхъ, глазами современниковъ Минина и Пожарскаго!

Вначалѣ путь, который хотѣлось бы проложить къ сближенію, несомнѣнно, будетъ тернистъ. „Домашній старый споръ“, какъ назвалъ его Пушкинъ. Всѣ ссоры между родственниками всегда отличаются особенной страстностью и ожесточенностью. Но не лишній ли разъ это подчеркиваетъ всю огромную важность, все огромное значеніе для враждующихъ сторонъ предмета спора—тѣхъ взаимныхъ интересовъ, которые вытекаютъ изъ общности крови и неизбѣжности неустранимаго сосѣдства! Само собою разумѣется, что, если хотимъ сближенія, нужно прежде всего отказаться отъ застарѣлыхъ дурныхъ привычекъ, увы! до сихъ поръ присущихъ русско-польскимъ отношеніямъ—отъ взаимнаго злословія и какого то постояннаго въ отношеніи другъ друга злорадства. Надо стараться щадить другъ друга и относиться другъ къ другу съ тѣмъ чувствомъ, которое одно лишь способно вести къ созданію и укрѣпленію симпатій, а именно съ полной благожелательностью. У всякаго народа есть свои слабости и недостатки. Весьма естественно, что именно со стороны они виднѣе и замѣтнѣе. Но зачѣмъ всегда и во всемъ стараться язвить другъ друга? Зачѣмъ стараться накоплять желчь въ сердцахъ, и безъ того уже ожесточенныхъ прошлымъ? Зачѣмъ постоянно, въ силу какой то пагубной традиціи, мелкими булавочными уколами настойчиво поддерживать раздраженіе въ уже готовыхъ затянуться и зарубцеваться сердечныхъ ранахъ? Каковы бы ни были недостатки у каждаго изъ столь долго и упорно

враждовавшихъ противниковъ, каковы бы ни были между ними духовныя несходства, и русскіе и поляки въ одномъ смѣло и увѣренно могутъ протянуть другъ другу руку— въ томъ, что всегда и во всѣ времена и моменты историческаго существованія народовъ неизмѣнно внушало противнику одно лишь чувство уваженія и вмѣстѣ съ тѣмъ служило надежнѣйшимъ залогомъ живучести націи: ни мы, русскіе, ни поляки никогда трусами не были, и новое яркое тому доказательство столь еще недавно явила послѣдняя дальневосточная кампанія, гдѣ на поляхъ Манчжуріи не въ первый и, думается, не въ послѣдній разъ русская и польская кровь лились и смѣшивались въ одномъ общемъ геройскомъ, увы! еще по заслугамъ не оцѣненномъ подвигѣ!

Кн. Д. Н. Святополкъ-Мирскій.

P. S. Какъ на примѣръ возможности мирнаго сочетанія личной польской культуры съ преданностью русской государственности, позволю себѣ указать на польскихъ помѣщиковъ въ Бессарабіи. Тамъ, понятно, у поляковъ не могла явиться мысль о проведеніи въ жизнь великопольской идеи. И вотъ бессарабскіе помѣщики польской національности (довольно многочисленные въ Хотинскомъ уѣздѣ) въ своемъ домашнемъ обиходѣ и хозяйственномъ письмоводствѣ держатся польскаго языка, а въ общественной жизни (дворянской и земской) ни въ чемъ не отличаются отъ прочихъ помѣщиковъ, съ которыми во всемъ идутъ рука объ руку (большинство изъ нихъ обыкновенно примыкаетъ къ консервативному лагерю).

Петербургъ
4-го марта 1911 г.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА РОССІИ
№ _____ 1976 г.